

Н. М. Райхесберг
Адольф Кетле. Его жизнь
и научная деятельность
Серия «Жизнь замечательных людей»

Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=175492

Аннотация

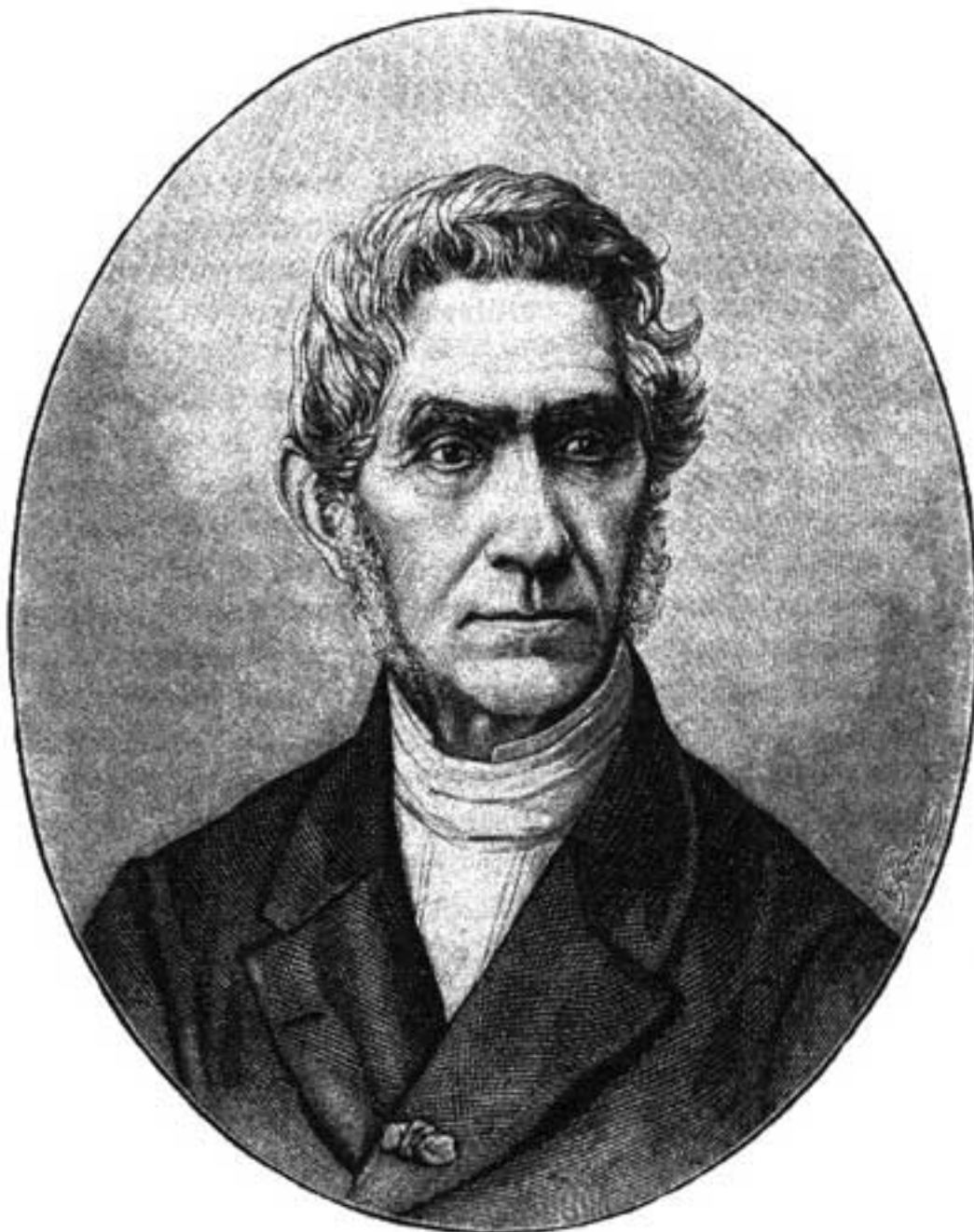
Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад отдельной книгой в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф. Ф. Павленковым (1839—1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют по сей день информационную и энергетико-психологическую ценность. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

Содержание

Введение	5
Глава I	7
Глава II	11
Глава III	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Н. М. Райхесберг Адольф Кетле. Его жизнь и научная деятельность

*Биографический очерк Н. М. Райхесберга
С портретом Адольфа Кетле, гравированным в Петербурге
К. Адтом*

Введение

Среди блестящей плеяды деятелей науки, которых дал миру клонящийся к закату девятнадцатый век, имя Кетле, жизнеописание которого мы предлагаем на следующих страницах, принадлежит, бесспорно, к самым популярным не только между учеными, но и вообще среди образованной публики всех стран и народов. Кто не знает, если он сам и не читал, знаменитой, наделавшей в свое время столько шума, книги Адольфа Кетле «О человеке и развитии его способностей» или его не менее знаменитой книги «О социальной системе и законах, управляющих ею»; кому неизвестно, что Кетле впервые открыто и категорически высказал мысль, что нравственный мир управляется такими же непреложными законами, как мир физический! Кто не знает, что этот знаменитый мыслитель впервые обратил внимание на целый ряд явлений индивидуальной и общественной жизни, которые до него оставались совершенно незамеченными и открытие которых дало чрезвычайно сильный толчок дальнейшему развитию человеческого познания!

Кетле впервые показал, что число браков, преступлений, самоубийств почти не меняется из года в год; что число браков, заключенных между принадлежащими к различным возрастным группам, точно так же, как и число браков между членами различных классов и сословий, подвергается очень ничтожным колебаниям. Число браков холостых со вдовами, вдов со вдовцами, молодых девушек со стариками, юношей со старухами и так далее повторяется из года в год с удивительным однообразием и постоянством. Что касается преступлений, то Кетле показал, что не только общее число преступлений не меняется из года в год, но что таким же постоянством отличаются числа преступлений различного характера. Неизменно число преступлений против имущества точно так же, как и неизменно число преступлений против личности. Грабежи, разбои, убийства, подлоги, подделки документов, казнокрадство и всякие другие злодеяния совершаются из года в год с поразительной правильностью, и каждый год тюрьмы и арестные дома наполняются строго определенным количеством представителей названных «профессий». Даже самоубийцы – и те из года в год в определенном числе вешаются, в определенном числе стреляются, отравляются, бросаются с верхних этажей или под поезд железной дороги и так далее, причем женский пол склонен к известным родам самоубийства больше, нежели мужской, и, наоборот, мужской пол прибегает к таким средствам самоубийства, которые употребляются женщинами только в весьма редких случаях.

Эти явления, существование и достоверность которых не могли быть подвергнуты никакому сомнению, так как за них свидетельствовали данные официальной статистики, глубоко поразили ум и чувство современников. И в самом деле, не говорят ли эти явления вполне понятным языком, что действия человека, которые вроде бы зависят от его свободной воли – например, женитьба или подделка документов, которые, как мы все привыкли думать, совершаются человеком только после более или менее долгих размышлений, приводящих к определенному решению, – не говорят ли они, что эти действия находятся под влиянием законов, управляющих, помимо желания и ведения человека, всеми его поступками и дающих определенное направление всей его деятельности?

А если это так, то имеет ли человек основание предполагать, что его положение в природе какое-то исключительное, что всеблагий Творец создал весь мир с единственной целью, чтобы посадить в него своего любимца, человека, и заботится только о том, чтобы вознаградить его за его добродетели или наказывать за его грехи! Да существует ли вообще добродетель или грех, раз человеческие поступки совершаются под влиянием строгих, не зависящих от человека законов?

Теология и метафизика были потрясены в своих основаниях. Освященные веками взгляды на отношение человека к природе и к себе подобным сразу оказались лишенными всякой почвы. Беспощадно были разбиты старые кумиры, и человечество решилось посмотреть истине прямо в глаза. И оно от этого не только ничего не потеряло, а, напротив, очень много выиграло. Человек до тех пор чаял себя во власти сверхъестественных сил, от них зависело его счастье, в их руках лежала его судьба. Не свободнее ли он теперь, когда знает, что его жизнь зависит от определенных законов, которые ему стоит только открыть, чтобы иметь возможность заставлять их служить себе, своим целям? А что касается своей порочности, то не успешнее ли человек может искоренить ее, если он знает, что не от злой или доброй воли отдельного человека зависит она, а от условий, в которых данная порочная личность жила? Ему стоит только позаботиться о том, чтобы изменить эти условия, а для этого ему опять-таки необходимо только изучение законов, от которых зависит человек и его поведение!

Высказанные здесь мысли Кетле и положил в основу всей своей научной деятельности. Его работы в данном направлении имели двойную цель: во-первых, он старался собрать возможно больше фактов из различных областей человеческой жизни и деятельности, оправдывающих его взгляды на место человека в природе и в обществе, и во-вторых, он трудился над выработкой и установлением методов для открытия и определения законов общественной жизни.

Этимі работами Кетле положил основание новой науке, – науке об обществе, «социальной физике», как он называл ее, или «социологии», как называют ее в настоящее время.

Но этим, однако, не ограничивается великая заслуга Кетле по отношению к науке об обществе. Кетле не только положил основание этой науки, но и указал путь, по которому исследователи должны идти, чтобы достигнуть последней цели этой науки – открытия законов, управляющих общественными явлениями. Выходя из того положения, что правильность и закономерность явлений общественного характера становятся тем очевиднее, чем больше фактов подвергается наблюдению, Кетле с неопровержимой ясностью показал, что *статистика* является единственно верным средством изучения этого рода явлений. Согласно с этим, усилия Кетле были всецело направлены на правильную и возможно широкую постановку статистического дела, причем главное внимание его было обращено на создание условий, при которых могла бы быть вызвана к жизни сравнительная международная статистика, которая одна, по его мнению, в состоянии была бы дать материал, необходимый для установления законов общественной жизни.

Работы Кетле в области статистики доставили ему всемирную известность и сделали его имя бессмертным; если наука в настоящее время и не вполне соглашается со многими взглядами и выводами Кетле, его работы тем не менее всегда сохраняют глубокий исторический интерес, и его имя – имя основателя новейшей статистики – всегда будет произноситься с благоговением и благодарностью.

Однако славное имя Кетле занесено золотыми буквами не только в книгу истории социологии и статистики. Он заслужил себе почтенную известность еще и как математик, физик, астроном и метеоролог. И если образованной публике имя Кетле с этой последней стороны менее известно, то нужно приписать это, главным образом, тому обстоятельству, что эти науки не так популярны в обществе, как социология и статистика, и что для оценки заслуг на поприще названных наук требуется более специальных знаний, чем те, какими обыкновенно располагает общеобразованная публика.

Глава I

Рождение Кетле. – Поступление в Гентский лицей. – Кетле получает место учителя в гимназии города Оденаард. – Назначение преподавателем математики в Гентской коллегии. – Основание университета в Генте. – Жозеф Гарнье и его влияние на Кетле. – Банкет в честь закладки университетского здания в Генте. – Представление Кетле министру народного просвещения. – Назначение профессором математики в Брюссельском Атенеуме.

Адольф Кетле родился 22 февраля 1796 года в городе Гент, принадлежавшем тогда, как вообще вся Бельгия, Франции. Отец его, Франсуа Кетле, родом из небольшого пикардийского городка, еще мальчиком оставил свою родину и поселился в Англии, где он получил вскоре право гражданства. Двадцати лет от роду Франсуа Кетле получил место секретаря у одного шотландского лорда, с которым он совершил путешествие по Голландии, Германии, Польше и Италии, – путешествие, длившееся несколько лет. В Италии лорд заболел и через несколько дней умер, завещав своему секретарю довольно крупную пожизненную пенсию, которой ему, однако, не удалось воспользоваться, так как родственники умершего отказались исполнить последнюю волю завещателя. Лишенный всяких средств к существованию Франсуа Кетле около двух лет кочует с места на место, из одного города в другой, перебиваясь случайными заработками.

В 1787 году мы встречаем его, наконец, в Генте, где он и прожил до конца своей жизни, сперва волонтером в бельгийской армии, затем офицером муниципальной гвардии города Гента и, наконец, мелким лавочником. В июле 1790 года он становится гражданином города Гента и вместе с тем бельгийским подданным. Примерно в это же время он женился, и от этого брака родилось двое детей: сын и дочь.

Адольфу Кетле было 7 лет, когда умер его отец. Пока последний жил, семья не знала нужды. Доходы, которые доставляла лавочка, не были, однако, достаточны для того, чтобы дать возможность сберечь копейку на черный день. И вот, когда судьба похитила кормильца, семья очутилась в самом безвыходном положении: мать, занятая своими домашними делами, уходом за детьми и хозяйством, была не в состоянии в одно и то же время смотреть за лавочкой, тем более, что она в коммерческих делах, как и вообще во всем, что не касалось непосредственно домашнего хозяйства, ничего не смыслила. К счастью, Франсуа Кетле за 16 лет пребывания в Генте своей честностью и прямоотой характера успел приобрести себе друзей, которые после его смерти и приняли самое горячее участие в судьбе оставленной им семьи. Исключительно благодаря этим добрым людям матери удалось дать своим детям такое воспитание, о котором она в часы досуга мечтала со своим мужем. Десяти лет от роду Адольф был помещен в местный лицей, где он своими выдающимися способностями вскоре обратил на себя внимание своих учителей и наставников. В высшей степени усердный и трудолюбивый, занимаясь с любовью всем, чему учили в школе, он, однако, уже в этом раннем возрасте проявлял особенную склонность к математике и родственным ей наукам: в изучение этой науки он буквально вкладывал весь пыл своей страстной души.

Кроме незаурядных умственных способностей, природа одарила его еще и недюжинным художественным талантом и вместе с любовью к науке развила в нем вкус ко всему изящному, прекрасному и хорошему. Уже на 18-м году жизни, за год до выхода из лицея, Кетле на гентской художественной выставке дебютировал картиной, за которую лицеем, где обучался Кетле, была присуждена первая премия.

По окончании лицея Кетле тотчас же был вынужден, в силу материальных условий, вступить на поприще практической жизни. В 1813 году он получает место учителя математики, грамматики и рисования в частной гимназии небольшого города Оденаарда. Поставив

его, 18-летнего юношу, в положение учителя трех предметов, не имеющих ничего общего между собою, судьба как бы хотела, говоря словами Лиагра, предвестить будущую блестящую карьеру Кетле, которому предстояло увековечить свое имя не в какой-нибудь одной отрасли знания, но воплотить в своей личности тот редкий тип ученого, который умеет счастливо сочетать разносторонность интересов с плодотворностью работы во всем, чего только не коснется его творческий гений.

После падения Наполеона Бельгия вместе с Голландией была на основании Первого Парижского мира отделена от Франции и отдана под управление Фридриха-Вильгельма Оранского, который десять месяцев спустя принял титул короля Нидерландов. Первой заботой правительства при урегулировании дел нового королевства был пересмотр законов, касающихся народного образования, результатом чего было устройство новых учебных заведений в различных городах, преобразование старых и так далее. Между прочим, и муниципалитет города Гента получил от короля разрешение открыть вместо лицея, который был закрыт к концу правления Наполеона, коллегию (*collège* – гимназия) и предложить кандидатов на преподавательские места. В число первых кандидатов муниципальный совет поставил Кетле, который декретом короля от 22 февраля 1815 года и был назначен преподавателем математики учебного заведения своего родного города.

В день назначения Кетле ему исполнилось девятнадцать лет. Его заветная мечта — стать возможно скорее независимым и самостоятельным в материальном отношении — наконец осуществилась. Его настоящее положение если и нельзя было назвать блестящим, тем не менее вполне обеспечивало существование; он получил возможность взять к себе свою мать и сестру, которые успели-таки порядком настрадаться за время его учения, так как они во всем себе отказывали, лишь бы их горячо любимый Адольф не знал лишений. Кетле мог теперь спокойно предаваться своим любимым занятиям, он мог спокойно посвятить свой досуг изучению своих любимых писателей, между которыми Паскаль занимал первое место.

Вскоре после поселения в Генте Кетле встретился со своим школьным товарищем, будущим академиком Дандленом, приехавшим к тому времени в Гент в надежде получить место при учебном ведомстве. Еще на школьной скамье Дандлен и Кетле были чрезвычайно привязаны друг к другу, имели общие симпатии и антипатии, работали вместе по математике и даже общими силами сочиняли стихи; воспоминание об этом обстоятельстве доставляло им впоследствии не одну веселую минуту. И теперь, увидевшись опять после нескольких лет разлуки, друзья первым делом решили взяться за составление драматических произведений. Первым плодом этих совместных трудов была одноактная опера под заглавием «Иоанн II и Карл V внутри стен города Гента». Музыка была сочинена известными своими духовными композициями музыкантом Оттом (Ots).

18 декабря 1815 года эта опера была поставлена на сцене Гентского театра и встречена весьма сочувственно как публикой, так и критикой. Несмотря, однако, на чрезвычайный успех, опера наших друзей была поставлена всего только два раза. Причиной тому было, главным образом, то, что авторы не хотели, как они сами объясняли друзьям, желавшим еще раз видеть их произведение на сцене, злоупотреблять благосклонностью публики, которая, по их мнению, выказала достаточно гражданского мужества и самопожертвования, в течение двух вечеров отбивая себе самым усердным образом ладоши в честь авторов пьесы.

Двум другим пьесам, над которыми работали наши молодые драматурги, — «Два трубадура» и «Шут» — так и не суждено было увидеть свет божий. Дандлен, назначенный военным инженером, вскоре оставил Гент, а занятия самого Кетле, благодаря событию, имевшему место в 1817 году, приняли совершенно иное направление.

Событием, которое мы имеем в виду, было открытие университета в Генте.

В числе профессоров этого нового университета был знаменитый французский математик Жозеф Гарнье, приглашенный на кафедру элементарной математики и математи-

ческой астрономии. Как преподаватель математики местной коллегии Кетле, естественно, вскоре вошел в контакт с Гарнье, и этот контакт, можно сказать, имел определяющее влияние на всю его дальнейшую судьбу. Кетле искренно привязался к Гарнье, который, со своей стороны, относился к нему с любовью и смотрел на него как на своего сына.

С каким глубоким уважением Кетле относился к знаменитому ученому, который вскоре после знакомства стал его учителем и руководителем, видно уже из тех восторженных слов, какие он посвящает воспоминанию о нем.

«Кому посчастливилось хоть раз ближе встретиться с Гарнье, тому благородная, могучая личность последнего навсегда врезывалась в память и оставляла в душе его невыразимо теплое чувство. Его чрезвычайно характерная физиономия, его живые, умные глаза, сидящие глубоко под нависшими густыми, но в то же время строго очерченными бровями, его орлиный нос, придававший лицу энергичное выражение, – все это, вместе взятое, приковывало к себе внимание всякого встретившего Гарнье где-либо в обществе, в котором он, впрочем, очень редко появлялся – он, который мог бы, если бы хотел, занять первое место во всех салонах так называемого большого света. Его маленькая, согбенная фигура, его сухощавые формы поразительно противоречили решительности и резкости оборотов его речи. Он имел привычку, которая у каждого другого могла бы шокировать, – у него же она, напротив, придавала особую прелесть его беседам, – привычку употреблять известные двусмысленные слова, обыкновенно мало употребительные в порядочном обществе. Эти слова, быстро и с особенным акцентом произносимые, прекрасно оттеняли его рассуждения, причем то обстоятельство, что они во время его речи появлялись так часто и, можно сказать, так естественно, приводило наконец к тому, что собеседник переставал их замечать...»

Под влиянием Гарнье Кетле принял решение посвятить себя всецело математике. Первым шагом в этом направлении была подготовка к экзамену на докторскую степень, для каковой цели Гарнье вызвался пройти с ним курс высшей математики, взамен чего Кетле, со своей стороны, старался чем возможно помогать Гарнье в его занятиях и даже давал вместо него некоторые частные уроки. «Таким образом, – восклицает Кетле с восторгом в своих воспоминаниях, – я был в одно и то же время учеником и товарищем этого великого человека».

Подготовки к экзамену длились сравнительно недолго, несмотря на то, что большую часть времени Кетле должен был посвящать своим занятиям в коллегии. Благодаря ходатайству Гарнье, принимая во внимание положение Кетле как учителя гимназии, совет университета позволил ему держать одновременно экзамен на степень кандидата и доктора наук (*docteur en sciences*). Оба экзамена Кетле выдержал самым блестящим образом, и, после представления диссертации, ему 24 июля 1819 года был дан докторский титул, – первый докторский титул, присужденный Гентским университетом со времени его открытия.

Университет отпраздновал это событие торжественным актом, на котором присутствовали все профессора и студенты, высшие представители власти и многочисленная публика. Церемонии передачи диплома предшествовал диспут, на котором Кетле чрезвычайно искусно и с большим знанием дела защищал выставленные им научные положения.

В числе этих положений одно, а именно вопрос о происхождении падающих звезд, – который, как мы впоследствии увидим, не переставал и впредь интересовать Кетле, – вызвал со стороны Гарнье следующее замечание: «Мнение нашего диспутанта, что падающие звезды космического происхождения, без сомнения, вызовет на него сильные нарекания с различных сторон. Оно хотя и не ново, но Кетле сумел защитить свое мнение с такой убедительностью, что теперь все противники этого мнения почувствуют себя сильно уязвленными. Как бы, однако, ни были резки нападки, я уверен, что наш молодой ученый будет идти твердо своей дорогой, не обращая внимания на мракобесов, поставленных, по-видимому, охранять человеческие глупости и заблуждения, как некогда весталки охраняли священ-

ный огонь». Профессор Касель, исполнявший на этом акте почетную должность промотора, заключавшуюся в том, что ему надлежало передать диплом в руки Кетле, после окончания диспута произнес речь, которую он закончил следующими словами: «Сегодня счастливый день для нашего университета, не менее счастливый, чем для молодого ученого, которого он жалует докторским титулом... Диссертация последнего бросает лучезарный свет на университет и предвещает автору блестящую будущность. Страна наша имеет полное основание гордиться этим молодым выдающимся талантом. Остается только пожелать, чтоб этот талант был нам надолго сохранен во всем своем цвете, сохранен во имя науки и прогресса».

Диссертация Кетле, озаглавленная «*De quibusdam locis geometricis nec non de curva focali*», обратила на себя внимание ученого мира. В ней автор впервые описывал особенности и свойства одной кривой линии, имеющей чрезвычайно важное значение в геометрии и физике. Рецензируя этот труд в «*Annales belgiques*», Гарнье замечает следующее: «Открытие этой кривой и ее особенностей одним из воспитанников нашего университета представляет до того знаменательный и лестный для нас факт, что мы смело можем признать его достойным быть занесенным золотыми буквами на страницы истории этого учебного заведения». Другой ученый, Рауль, сравнивает это открытие с открытием циклоиды Паскаля и говорит, что его одного достаточно, чтобы навсегда упрочить за Кетле славу великого геометра.

Спустя два месяца после окончания экзаменов Кетле имел случай быть представленным нидерландскому министру Фальку, просвещенному деятелю на поприще народного образования, приехавшему в Гент на праздник закладки нового университетского здания. Фальк слышал о превосходном труде Кетле, читал про похвалы, которыми осыпали молодого ученого такие корифеи науки, как Гарнье и Рауль, и пожелал лично с ним познакомиться. Знакомство состоялось. На банкете, данном городом в честь упомянутого события, на котором Кетле прочитал свое стихотворение на смерть известного в свое время музыканта Гретри, имевшего чрезвычайно сильное и благотворное влияние на развитие оперной музыки и, главным образом, комической оперы, – стихотворение, встреченное присутствовавшими с большим восторгом, Кетле был представлен Фальку Гарнье. Министр с ним разговорился, чрезвычайно заинтересовался беседой и пригласил посетить его на следующий день в своем отеле. Вскоре после отъезда министра в Брюссель Кетле был назначен профессором математики в Брюссельском Атенеуме на место старика Делае, которому здоровье не позволяло больше с успехом исполнять свои обязанности. Тут весьма интересно отметить факт, характеризующий благородную личность Кетле. Узнав, что у старика нет достаточных средств к жизни, Кетле по собственной инициативе назначил ему из своего кармана пожизненную ренту в размере четверти своего жалованья. Несчастный старик, не имея возможности отказаться, тем не менее совестился брать у Кетле деньги, зная, что у того дела находятся не в особенно блестящем состоянии. Кетле настоял, однако, на своем, и Делае находил нужным всякий раз, когда он получал назначенную ему пенсию, облегчать свою душу тем, что искренне просил извинения у Кетле за то, что все еще жив.

Глава II

Переселение в Брюссель. – Избрание Кетле в члены Брюссельской академии наук, – Избрание в председатели академии. – Его деятельность в этом звании. – Избрание его в постоянные секретари академии. – Заслуги Кетле по отношению к академии. – Учреждение класса изящных искусств. – Основание «Общества ученых, литераторов и художников». – Мысли Кетле о задачах современного поэтического творчества.

В ноябре 1819 года Кетле переселился в Брюссель. Здесь он нанял скромную квартиру на одной из второстепенных улиц города, в том самом доме, где в то время жил известный бельгийский историк и литератор барон Райфенберг, к которому Кетле имел рекомендательное письмо от их общего друга профессора Рауля.

Райфенберг жил в Брюсселе уже несколько месяцев и за это время успел приобрести себе большой круг знакомых. Будучи сам человеком либеральных воззрений, он в особенности вошел в дружбу с кружком французских эмигрантов, поселившихся после Реставрации в Брюсселе. Среди последних были знаменитый художник Давид, поэт Арнольд, известный в свое время естествоиспытатель и путешественник Бори де Сен Винсент, государственный деятель и правовед граф Мерлен де Дуай, приобретший себе известность редактированием французского уголовного кодекса, и многие другие. Познакомившись с политическими воззрениями Кетле и убедившись, что симпатии последнего лежат на стороне идей, выставленных французской революцией, Райфенберг тотчас ввел Кетле в кружок эмигрантов, где последний вскоре приобрел себе всеобщие симпатии.

Несмотря на свои довольно частые встречи с эмигрантами, среди которых Кетле нашел людей, с которыми он никогда больше не разрывал связей, он находил достаточно времени еще и для других знакомств. Вскоре после своего приезда в Брюссель он посетил старика Ньепорта, бывшего долгое время почти единственным представителем точных наук в Бельгии.

Кетле доказал свое уважение к Ньепорту тем, что посвятил ему свою диссертацию.

Любовь Кетле к искусству заставляла его также искать связей с миром художников и артистов. Молва о его выдающихся талантах, идущая перед ним повсюду, открывала ему двери тех сфер общества, куда он имел намерение проникнуть. Записавшись в члены «Литературного общества», он в скором времени перезнакомился со всеми более или менее выдающимися артистами столицы и был избран в члены «Комитета чтения королевских театров».

Первого февраля 1820 года Кетле был избран в члены Брюссельской академии наук, опять-таки на основании своей диссертации, произведшей, как мы видели, в ученом мире чрезвычайно сильное впечатление.

В том же году, шесть месяцев спустя, Кетле представил в академию свой первый доклад «Mémoire sur une formule générale pour déterminer la surface d'un polygone formé sur une sphère par des arcs de grands ou de petits cercles, disposés entre eux d'une manière quelconque»¹. Тотчас после прочтения доклада академия постановила напечатать его во втором томе своего издания, «Nouveaux Mémoires de l'Académie de Bruxelles», – постановление, вызвавшее со стороны Гарнье замечание, что им значительно поднято достоинство этого второго тома, среди заслуженных работ которого доклад Кетле представляет истинную драгоценность.

В академии Кетле вошел в довольно близкие отношения с теми членами, которые жили в Брюсселе и которые вследствие этого чаще других присутствовали на заседаниях. Среди последних он встретил, между прочим, Корнелисена, который в 1812 году дал очень лестный

¹ «Доклад по общей формуле определения площади многоугольника, образованного на шаре арками больших и малых окружностей, расположенных друг к другу каким-либо образом» (фр.)

отзыв о картине Кетле, выставленной им на художественной выставке в Генте. Несмотря на неравенство лет, они вскоре сошлись довольно близко, и Кетле долго после смерти своего друга переживал понесенную им потерю.

Академиков, часто посещавших занятия, было в то время сравнительно очень мало – главным образом, вследствие того, что большинство членов академии жило вне Брюсселя. Кетле сразу понял, как дурно сказывается это обстоятельство на занятиях академии, и потому он приложил все свои старания, чтоб устранить это зло. Впоследствии Кетле мог с чувством полного удовлетворения сказать, что в указанном отношении академия ему очень многим обязана. Во-первых, он позаботился о том, чтобы в число членов академии были избраны люди, которые на самом деле могли бы принимать участие в трудах академии, доставляя ей свои работы или поддерживая с ней связи по крайней мере путем частных научных корреспонденции. Уже на следующий год после его избрания в члены академии последняя по его рекомендации избрала в члены упомянутого выше друга Кетле Дандлена, успевшего обратить на себя внимание ученых своими математическими работами – главным образом, освещением некоторых проблем, поставленных Паскалем; точно так же она избрала барона Райфенберга, который стал одним из самых деятельных ее членов. Впоследствии еще много других ученых получили доступ в академию на основании рекомендаций Кетле.

По настоянию Кетле академия решила издавать периодический бюллетень, редакция которого в 1832 году была поручена ему же. Этим Кетле еще больше способствовал развитию работ академии, предоставив таким образом возможность периодической публикации ее трудов или, по крайней мере, более или менее обширных извлечений из докладов, прочитанных на заседаниях, а также протоколов этих последних.

Назначенный в следующем году директором академии Кетле заслужил ее благодарность тем, что сумел отстоять ее авторитет, не позволяя правительственным властям вмешиваться во внутренние дела академии и иметь влияние на ход ее реорганизации, которая оказалась необходимой вследствие революции 1830 года. Единственно благодаря Кетле нидерландские ученые не были удалены из академии; благодаря ему и впредь оставались лица, которых министерство во что бы то ни стало желало вычеркнуть из списка членов этого института. Понятно, что ввиду этих обстоятельств, чрезвычайно способствовавших развитию славы и престижа академии, влияние Кетле в академических сферах чрезвычайно возросло. И действительно, в 1834 году академия вознаградила его избранием в постоянные секретари, – честь, которая выпадает на долю немногих.

В этом звании Кетле пробыл около сорока лет, до конца своей жизни, и за это время он чрезвычайно поднял престиж бельгийской академии наук и литературы в глазах всего ученого мира. Он всеми средствами заботился о том, чтобы познакомить за границу с трудами бельгийских ученых, что ему в достаточной степени удалось, так как рекомендации Кетле было достаточно, чтобы открыть бельгийскому писателю страницы самых лучших иностранных журналов. С другой стороны, он заботился о привлечении иностранных ученых в качестве корреспондентов бельгийской академии, и эти старания его точно так же увенчались успехом, так как еще в 1833 году он имел возможность сообщить академии о готовности, с которою многие выдающиеся иностранные ученые отзывались на его приглашения корреспондировать бельгийскому институту. «Он мог говорить об этом обстоятельстве, – замечает один из друзей Кетле, – с гордостью, так как это, главным образом, могло быть приписано ему одному, его ученой славе и его обширным связям в ученом мире. В течение долгих лет Кетле был чуть ли не единственным представителем ученой Бельгии за границей. Лица, приезжавшие в Бельгию для научных целей, откуда бы они ни приезжали: из Лондона, Берлина, Рима, Петербурга, – все они имели рекомендательные письма исключительно к Кетле, все они посещали Кетле и оставались от него в восторге». Как велико было влияние Кетле в Брюссельской академии и как в то же время были велики его заслуги

по отношению к ней, видно еще и из следующего обстоятельства. Мы видели, что Кетле, любя искусство, старался войти в контакт с артистами и принимать активное участие во всех интересах, касающихся этого сословия. Став членом академии наук, Кетле решил воспользоваться своим положением для поднятия в глазах общества значения искусства и его представителей. Для этой цели он уже в сентябре 1832 года вносит в академию выработанный им проект учреждения при этом институте класса изящных искусств, члены которого были бы приравнены в правах с прочими академиками. Несмотря на то, что он встретил вначале сильную оппозицию в лице некоторых академиков, не могущих отрешиться от старого предрассудка видеть в художнике человека, которого ни в коем случае нельзя ставить на одну ступень с представителем науки, ему удалось убедить академию в целесообразности и своевременности своей мысли, и на одном из следующих заседаний упомянутый проект Кетле был принят академией почти единогласно. Тем не менее, решение это не было приведено в исполнение, так как оно не встретило сочувствия в министерстве. Ввиду этого Кетле решил добиться своей цели иным путем. Когда он получил извещение об отрицательном отношении правительства к решению академии, он тотчас же опубликовал воззвание к артистам и ученым города Брюсселя, приглашая их в определенный день собраться для обсуждения вопроса об основании «Общества ученых, литераторов и художников». На приглашение Кетле откликнулось очень много лиц; между ними не отсутствовал ни один более или менее выдающийся деятель на поприще науки, литературы и изящных искусств. Новое общество имело свои периодические заседания, мало-помалу привлекая к себе внимание и симпатии образованной публики. Кетле был председателем этого общества, и он с удовольствием мог констатировать, что его заветная мечта – сблизить стоявшие дотолы вдали друг от друга, если не сказать враждебно друг против друга, мир художников с миром науки – нашла всестороннее и прекрасное осуществление. Но Кетле не оставлял своей надежды – со временем все-таки дать художникам место в академии, и ему суждено было видеть осуществление и этой надежды. В 1845 году министром внутренних дел в Бельгии был назначен Van de Waer, бывший слушатель, а затем сотоварищ Кетле в Брюссельском музее, о котором речь будет впереди. Кетле воспользовался этим благоприятным обстоятельством, чтобы опять поднять вопрос об учреждении при академии особого класса изящных искусств. Академия без всяких дебатов подтвердила принятое ею в 1832 году решение, и на этот раз оно встретило полное сочувствие у нового министра, который тотчас же представил выработанный Кетле проект на утверждение короля. 16 декабря 1845 года указом короля академия, основанная австрийской императрицей Марией Терезией, была преобразована согласно духу времени на новых началах и, ввиду того, что при ней был учрежден новый класс изящных искусств, получила название: «Королевская академия наук, литературы и изящных искусств».

Достигнув, таким образом, своей цели, Кетле не отдыхал на лаврах. Несмотря на то, что его занятия к тому времени чрезвычайно расширились и не оставляли ему, так сказать, ни минуты свободного времени, он все-таки находил возможность принимать деятельное, непосредственное участие в делах вновь учрежденного класса. Уже на первом его заседании Кетле представил доклад, содержащий проект издания истории искусства в Бельгии и устройства национального археологического музея. На первых порах Кетле имел в виду историю одежды, бывшей в обиходе в различных классах общества, начиная с самых древних времен; затем – историю жилища и его украшений, мебели, инструментов и вообще всего того, что могло бы служить к характеристике нравов, вкусов и привычек бельгийского народа в его прошлом и настоящем. Первым шагом в этом направлении, конечно, должно было служить определение количества и характера предметов искусства, находящихся во владении общин или других каких-либо учреждений, а также у частных лиц. По предложению Кетле класс изящных искусств после утверждения представленного им проекта постановил тотчас же приступить к сбору статистических сведений в указанном отношении, что

дало ему уже в следующем, 1846 году возможность издать под редакцией Кетле археологическую карту, служившую дополнением той, которую последний собственными усилиями издал еще в 1842 году. Результаты переписи были чрезвычайно удовлетворительны, и это обстоятельство побудило правительство дать свое согласие вместе с поддержкой на устройство археологического музея, который и был учрежден в конце 1847 года.

Мы видим, что все старания Кетле увенчались успехом. Так было, как мы еще ниже увидим, во всем. Можно смело сказать, что Кетле не знал неудач. Все, что он находил нужным или полезным провести, он раньше или позже проводил, находя себе всюду помощников, находя всюду людей, которых обаяние его личности, его открытый честный характер, его глубокий, всеобъемлющий ум привязывали к нему, как говорят, душой и телом.

В связи с тем, что мы говорили выше об отношении Кетле к искусству, мы находим нужным указать в этой главе еще и на то обстоятельство, что Кетле не только *любил* искусство, но и сам одно время подвизался на этом поприще. Мы знаем, что, еще будучи воспитанником Гентского лицея, он успел обратить внимание специалистов на свой художественный талант. Далее, нам известно, что он в сообществе со своим другом Дандленом сочинял драматические произведения, к которым периодическая печать отнеслась весьма сочувственно. Теперь нам остается сообщить еще об успехах Кетле в области стихотворной поэзии.

Свои стихотворения Кетле печатал в различных периодических изданиях, но, главным образом, мы встречаем его работы в «Литературном альманахе», издававшемся вышеупомянутым литературным обществом, в «*Annales belgiques*» и в прибавлениях к журналу «*Etudes et leçons françaises de littérature et de morale*». Последние два издания редактировал профессор литературы при Гентском университете Рауль, покровитель и друг Кетле, который, главным образом, и побудил последнего предать публичности продукты своего любительского вдохновения.

Любимым поэтом Кетле был Гораций, и не одно стихотворение нашего поэта носит на себе следы влияния последнего. Из стихотворений этого рода обращает на себя особенное внимание его «Послание к Толлепу», знаменитому нидерландскому поэту и драматургу первой половины XIX столетия.

Кетле вообще сочинял очень много од и посланий – этот род стихотворного творчества он предпочитал всем другим. Если ему нравилось какое-нибудь художественное произведение, или если какой-нибудь артист или художник производил на него сильное впечатление своим талантом, Кетле тотчас же изливал свои чувства восторга и преклонения в стихотворную форму, в форму оды или послания. Известно его «Послание к Одеваеру», национальному бельгийскому художнику, лучшему ученику знаменитого Давида. Картины Одеваера, для которых художник брал сюжеты из бельгийской истории, приводили в то время в восторг образованное общество Бельгии и в особенности столицы.

Возвышенный и благородный стиль послания Кетле к Одеваеру производит чрезвычайно благоприятное впечатление. Автор стихотворения восхищается могуществом кисти, глубиной чувства и возвышенным патриотизмом художника, которому он предвещает бессмертье.

Кроме од Кетле любил романсы. Зная несколько языков: немецкий, английский, итальянский, испанский, португальский и, разумеется, голландский, он изучил романсы во всех их проявлениях у различных народов. Он сам сочинил на своем веку немало произведений этого рода, также перевел он много романсов с других языков на французский. О романсе же Кетле напечатал особое исследование в «*Annales belgiques*» за 1823 год, – исследование, еще до сих пор не потерявшее своей цены. Он здесь высказывает мысль, что романс возник в эпоху рыцарства, – в эпоху, когда замки, бывшие дотоле исключительно местом засады баронов и графов, занимавшихся большей частью разбоями и грабежом, укрепленным лагерем, откуда эти последние предпринимали свои набеги на мирных жителей и путе-

шественников, стали мало-помалу терять свой мрачный вид и принимать характер блестящих, пышных дворцов, где властвовали красота и изящество. В то же время в эти сферы стал проникать латинский язык, и тогдашние певцы, слагавшие свои песни на этом языке, естественно, портили его примесью других наречий, и это обстоятельство привело мало-помалу к образованию того наречия, которое известно под названием романского. Песни, сложенные на романском диалекте, и приобрели название романсов, каковое название впоследствии стало прилагаться только к одному определенному роду поэзии, самым ранним представителем которого является известный романс о Роланде. Романс в те давно прошедшие времена был, по мнению Кетле, почти тем же, чем эпос у древних.

Поэзию древних Кетле любил всем жаром своей души, хотя он и понимал, что, как бы ни были хороши поэтические и художественные произведения прежних времен, они все-таки не в состоянии вполне удовлетворить современного человека, – они не в состоянии дать душе его те же иллюзии, какие вызвали в душе человека они в свое время. Зефир, Венера и другие божества, которые так прекрасны в произведениях древних, не могут и не должны, как полагает Кетле, иметь места в современном искусстве. Благотворно перенимать у греков их удивительную простоту, их поразительное понимание прекрасного, но если художник хочет быть понятым и оцененным современником, он должен воспроизводить *нашу* природу, *наших* героев, *наше* божество. В настоящее время недостаточно говорить только воображению, необходимо также стараться удовлетворять требования и нашего ума.

К сожалению, приходится признать, что Кетле сам не всегда руководствовался в своем творчестве своими воззрениями на требования, которым должна отвечать современная поэзия. Он часто выбирал для своих произведений сюжеты, о которых меньше всего можно было сказать, что они говорят в одно и то же время уму и чувству человека, и вполне прав был поэтому профессор Рауль, говоря, что только прелестная форма стиха нашего поэта несколько вознаграждает читателя за не совсем удачно выбранный поэтом сюжет.

Эпоха поэтического творчества Кетле была не особенно долговечна. В 1823 году появились его последние стихотворения в «Литературном альманахе». Его научная деятельность к тому времени чрезвычайно расширилась и требовала много времени, так что он под конец совершенно не имел возможности заниматься посторонними вещами. К тому же и само время не особенно благоприятствовало развитию поэтического творчества вообще; настроение образованной части бельгийского общества клонилось в сторону других потребностей, других стремлений: в Бельгии назревал политический переворот, закончившийся через несколько лет отделением этой страны от Голландии.

Несмотря на то, что Кетле только три-четыре года подвизался на поприще поэтического творчества, он успел приобрести себе довольно почтенное имя среди поэтов своего времени, и стихотворения его встречали очень благосклонный прием – как со стороны публики, так и со стороны критики.

Глава III

*Мысль об устройстве обсерватории в Брюсселе. – Согласие, полученное им от министерства. – Его разногласия с городским муниципалитетом. – Командировка за границу для приобретения практических сведений в астрономии. – Приезд в Париж. – Знакомство с Бувардом и Лапласом. – Влияние Лапласа на воззрения Кетле. – Возвращение в Брюссель. – Женитьба. – Семейная и домашняя жизнь Кетле. – Командировка в Лондон. – Путешествие по Англии, Шотландии и Ирландии. – Ход работ по постройке обсерватории. – Поездка в Германию. – Знакомство с тамошним ученым миром. – Знакомство с Мендельсоном-Бартольди. – Поездка в Веймар. – Юбилей Гете. – Конгресс немецких естествоиспытателей в Гейдельберге. – Возвращение на родину. – Неприятности с архитектором, заведовавшим работами по постройке обсерватории. – Решение оставить на время Брюссель. – Поездка в Италию. – Бельгийская революция 1830 года. – Окончание постройки здания обсерватории. – Переселение туда Кетле. – Кетле как астроном. – Популяризация астрономии. – *Equations personnelles*.*

В предыдущей главе мы видели, что Кетле тотчас же после своего избрания в академию сделался одним из самых деятельных ее членов. Чтобы составить себе ясное представление о деятельности этого института, о его потребностях и задачах, он считал необходимым познакомиться с его прошедшей историей, с ходом его занятий и работ. Трудясь в этом направлении, Кетле заметил, что заветной мечтой академии было с давних пор устройство в Брюсселе большой астрономической обсерватории, которая позволила бы бельгийским астрономам производить наблюдения у себя дома. До того времени в Бельгии не было ни одного учреждения подобного рода, и академия, поддерживаемая многими учеными обществами страны, неоднократно ходатайствовала еще перед французским правительством об открытии обсерватории, устройство которой было признано необходимым для развития бельгийской науки как местными, так и иностранными учеными. Но все старания оставались тщетными, так как правительство все ссылалось на недостаток средств и оставляло ходатайства без последствий. После отделения Бельгии от Франции вопрос этот больше не поднимался, ввиду того, что нидерландское правительство, занятое первое время законодательными и административными реформами и вообще реорганизацией всех политических и гражданских условий страны, не могло, конечно, обратить внимание на потребность, хотя и почтенную, но во всяком случае стоявшую тогда, именно ввиду указанных работ, на втором плане. Таким образом, годы шли, и никто больше не поднимал вопрос об устройстве обсерватории, пока этим вопросом не заинтересовался Кетле, а мы знаем, что если Кетле решил добиться чего-нибудь, он не успокаивался до тех пор, пока не достигал намеченной цели.

Так и теперь! Мысль об устройстве обсерватории в Брюсселе всецело охватила его и наполняла все его думы. Он неустанно говорил об этом со своими друзьями, читал по этому поводу рефераты в различных ученых обществах, стараясь расположить общественное мнение в пользу своего проекта.

В конце 1823 года Кетле имел случай говорить об этом предмете с министром народного просвещения Фальком, который, как мы знаем, чрезвычайно покровительствовал нашему молодому ученому. Министр чутко прислушивался ко всему, что находилось в каком-либо отношении к культурным потребностям страны, и, охотно пользовавшийся всякой идеей, могущей принести пользу народному просвещению, с большим интересом слушал Кетле, говорившего с жаром о значении обсерватории для науки вообще и для страны в особенности. Обещав серьезно заняться поднятым вопросом, Фальк в то же время просил Кетле посетить его еще раз с тем, чтобы подробнее потолковать по этому поводу. Но, не

дождавшись посещения Кетле, министр в один из ближайших дней явился к последнему на дом и заявил, что он решил, не откладывая, дать проекту дальнейший ход.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.